

Дэвид Юм: долгая дорога в классики

Е.Н. БЛИНОВ

Представлен обзор основных этапов рецепции философии Дэвида Юма начиная с ранних реакций, появившихся еще в середине XVIII в., и заканчивая современными исследованиями. Автор стремится выявить те ключевые аспекты философии Юма, которые являются актуальными для современной философии и обуславливают происходящий сегодня процесс институционализации изучения работ Юма как самостоятельной области историко-философских исследований. Отдельное внимание уделяется юмовской интерпретации понятия тождества личности, подчеркивается ее значимость для современных дискуссий в этой области.

Ключевые слова: Дэвид Юм, эмпиризм, рационализм, тождество личности, скептицизм, Кант и Шотландское просвещение, Кемп-Смит.

1. Эмпирик или рационалист?

Классик британской философии Альфред Айер в 1980 г. называл Юма «величайшим из всех британских философов»¹. К этому моменту большинство

¹ Ayer A. Hume. L., 1980. P. 1.

англо-американских коллег были готовы согласиться с этим утверждением: Юм занял центральное место в пантеоне британских мыслителей, вытеснив оттуда самого Локка². Последний считал, что ум человека от рождения подобен *tabula rasa* – чистой доске. В случае Юма эта метафора приобретает несколько иной смысл. Согласно его завещанию, на могильной плите не должно быть ничего, кроме имени, даты рождения и даты смерти. Для того времени это был весьма экстравагантный поступок, но Юм таким образом оставлял право судить о его заслугах будущим поколениям. Иные люди рождаются посмертно, говорил Ницше, и настоящее возрождение юмовской философии произошло только в XX в.

Сейчас в это трудно поверить, но почти два века философия Юма была обречена на полужабвение. Как заметил известный исследователь его творчества Теренс Пенелум, Юм был знаменитым литератором, но не был слишком влиятельным философом³. «Трактат о человеческой природе», изданный в 1739 г., прошел почти незамеченным, первую известность Юму принес опубликованный тремя годами позже сборник «Опыты». При жизни Юма соотечественники воспринимали его скорее как историка и эссеиста, чем как серьезного метафизика. Единственным серьезным, хотя и недображелательно-критическим ответом на аргументы «Трактата» сегодня принято считать работу Томаса Рида «Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла», опубликованную в 1765 г. Здравый смысл Рида восторжествовал к горькому сожалению Канта, сделавшего в «Пролегоменах» знаменитый реверанс в сторону Юма. Ни современники, ни ближайшие потомки не спешили воздать ему должное. Слава покорителя светских салонов Парижа потускнела достаточно быстро, а на родине мнение о юмовской философии как о саморазрушительном и абсурдном скептицизме, распространяемое Ридом и Битти, продержалось до конца XIX в. Как ни странно, даже представители «первого» позитивизма, такие, как Джон Стюарт Милль или Томас Хаксли, не считали Юма первостепенной фигурой, полагая, что «реальная» философия восходит прежде всего к Локку⁴.

Что должно было произойти, чтобы в последней трети XX в. отвергнутый «скептик» Юм был коронован и возведен на трон? Остается невыясненным вопрос, являлся ли он действительно главным вдохновителем современной англо-американской философии. Ведь еще в середине XX в. было модно обвинять Юма в «ментализме» или даже

² Один из юбилейных сборников, появившихся к 200-летней годовщине смерти Юма, носил достаточно характерное для того времени название «Юм – переоценка» (Hume: A re-evaluation. D. Livingstone (ed.). Fordham University Press, 1976).

³ Penelhum T. Themes in Hume: the Self, the Will, the Religion. Oxford, 2004. P. 1.

⁴ Penelhum T. Op. cit. P. 18.

своеобразном «догматизме». Так, Куайн в своей программной статье 1954 г. «Две догмы эмпиризма» обрушивается на редукционизм логических позитивистов, полагавших, что всякое осмысленное высказывание можно встроить в логическую конструкцию, отсылающую к непосредственному опыту. Эта вторая догма, по его убеждению, восходила к «эмпиризму Локка и Юма»⁵. Результатом преодоления этих догм, уверял Куайн, будет появление нового эмпиризма, скорее прагматического, чем строго сциентистского. В свою очередь Гильберт Райл в «Понятии сознания» камня на камне не оставил от юмовской теории воображения⁶. Автор одной из самых влиятельных работ англоязычного кантоведения, Питер Стросон считал глубочайшим заблуждением «психологический атомизм» Юма⁷. Но был ли он, собственно говоря, эмпириком? И ведет ли всякий последовательный эмпиризм, как полагал Кант, к тотальному скепсису?

Например, Никлас Капальди на страницах журнала «Hume Studies» указывает на «догматический сон» в юмоведении, обвиняя современных аналитических философов в искаженной интерпретации философии Юма⁸. Он считает его «ньютонианским» философом, а следовательно, рационалистом. Другой известный исследователь, Дональд Ливингстон, иронически заметил, что сам Юм если и был эмпириком, то не знал об этом, поскольку никаких положительных коннотаций у этого слова в его время не было⁹. В XVIII в. так называли практикующих врачей, не имеющих медицинского образования, так что «эмпирику» примерно соответствует русское просторечное «коновал». Тот факт, что Юм считается классиком эмпиризма, Ливингстон также считает «заслугой» аналитиков, написавших тенденциозную историю философии, где все положительное и прогрессивное приписывается «идеологии эмпиризма».

Нельзя ли тогда объяснить этот разброс в оценках внутренним генезисом философии Юма? Многие исследователи обращали внимание на существенное изменение как позиций Юма по многим существенным вопросам, так и стиля изложения в короткий промежуток времени между публикацией «Трактата о человеческой природе» и «Исследования о человеческом разумении». Но если путь Канта к трансцендентальной философии или Гегеля к «Науке логики» отра-

⁵ Куайн В.О. Слово и объект. М., 2001. С. 254.

⁶ Райл Г. Понятие сознания. М., 1998. С. 243.

⁷ См.: Strawson P. Individuals. L., 1964. P. 11.

⁸ Capaldi N. The Dogmatic Slumber of Hume Scholarship // Hume Studies. 1992. Vol. 2, № 18. P. 118. Подробнее см.: David Hume. The Newtonian Philosopher. Boston, 1975.

⁹ Livingston D. Philosophical Melancoly and Delirium. Chicago, 1998. P. 4.

жен в литературе, то о философском развитии Юма написана, насколько нам известно, всего одна работа – монография Джорджа Ноксона (1973)¹⁰. Сходное положение дел можно наблюдать и в области специальных работ, посвященных «Исследованию». После классического труда Энтони Флю, опубликованного в 1961 г., следующей работы пришлось ждать более 40 лет, вплоть до появления книги Стивена Бака (2004)¹¹. В связи с этим на язык просится невольная тавтология: современные исследователи практически игнорируют «Исследование» Юма, в отличие от их предшественников, которые не жаловали как раз «Трактат».

Есть, впрочем, одно небольшое исключение. Те авторы, которые стремятся доказать, что Юм неоправданно считается эмпириком, обращаются куда чаще именно к «Исследованию»¹². И действительно, еще Кемп-Смит заметил, что основная тенденция развития философии Юма состояла в «замене психологического анализа на логический»¹³. Многие кантоведы, наверное, могли бы сказать что-то подобное о первом и втором изданиях «Критики чистого разума». Кемп-Смит помимо Локка и Беркли выделял еще два важных источника юмовской философии: моральную психологию Хатчесона и механицизм Ньютона. В период работы над «Исследованием» Юм уже не так оптимистично смотрит на свой ранний проект: теперь он считает, что при изучении человеческой природы мы должны стремиться к той же точности, что и в физике. И здесь, как нам кажется, правы те комментаторы, которые полагают, что ньютоновское влияние со временем усиливалось. Юм стремился найти некую «первоначальную силу» души, будь то привычка или механизм ассоциации, «который поддается столь же точному исследованию, как и законы движения, оптики и гидростатики»¹⁴.

Как видно, единого мнения о принадлежности Юма к лагерю «эмпириков» или «рационалистов» не существует. Впрочем, сама обоснованность этого разделения, восходящего к Канту, сегодня все чаще подвергается сомнению. Мы полагаем, что широкое признание Юма одним из «отцов-основателей» англо-американской философии не означает триумфа «эмпиризма» и не указывает на преемственность исследовательской традиции, а, напротив, маркирует резкие «эпистемологи-

¹⁰ Noxon J. Hume's Philosophical Development. A Study of his Method. Oxford, 1973.

¹¹ Flew A. Hume's philosophy of Belief. Oxford, 1961; Bucke S. Hume's Enlightenment Tract: the Unity and Purpose of an Inquiry. Oxford, 2004.

¹² Capaldi N. The Dogmatic Slumber in Humean Scholarship // Hume Studies. 1992. Vol. 18, № 2. P. 118.

¹³ Kemp-Smith N. The Philosophy of David Hume: a Study of Origins of his Thought. L.: Palgrave Macmillan. P. 561.

¹⁴ Юм Д. Сочинения. В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 176.

ческие разрывы». Чтобы понять, из чего складывались предпосылки к переосмыслению роли Юма, мы предлагаем краткий исторический экскурс, в котором отметим основные этапы восприятия его философии.

2. Назад к Юму

Именно Кант на протяжении двух веков оставался главным адвокатом шотландского мыслителя, встретившего на родине столь холодный прием. Знаменитая ремарка о пробуждении от догматического благодаря «сомнениям Юма» обеспечила ему почетный статус предшественника и едва ли не вдохновителя критической философии. Впрочем, немецких читателей у Юма в то время было предостаточно: перевод «Опытов» с приложением «Исследования» появился уже в 1755 г. Именно его активно использовал Кант в работе «Грезы духовидца», в которой отчетливо прослеживается юмовское влияние. В последней трети XVIII в. Юм практически стал «внутренней фигурой» немецкого Просвещения¹⁵. Помимо Канта его работы тщательно изучали Иоганн Тетенс и Моисей Мендельсон, Иоганн Гаман и Фридрих Якоби. Причем двое последних представляют отдельную ветвь позднего немецкого Просвещения, которая позже получит наименование «немецкого антирационализма». В его становлении далеко не последнюю роль сыграют юмовское учение о вере и его скептицизм относительно познавательных способностей¹⁶.

Именно к этим фигурам все чаще обращаются современные исследователи, ведь с произведениями своих коллег Кант был знаком намного лучше, чем с главными работами Лейбница и Юма. Исторически более правдоподобная картина выглядит следующим образом: все указанные авторы испытали сильное непосредственное влияние юмовской философии, пробудив у Канта интерес к загадочному шотландскому скептику. В последнее время появился целый ряд исследований, посвященных рецепции идей Юма в Германии второй половины XVIII в. К ним относятся работы Лотара Краймэндала, Райнхарда Брандта и Хайнера Клемме, а также Манфреда Кюна¹⁷. Они приводят

¹⁵ Васильев В.В. История философской психологии. Западная Европа – XVIII век. Калининград, 2003. С. 158.

¹⁶ См.: Berlin I. Hume and the Sources of German Anti-rationalism // G.P. Morice (ed.). David Hume Bicentury Papers. Edinburgh, 1977; Он же. Hume. L., 1993.

¹⁷ Kreimendahl L., Gawlick G. Hume in der deutschen Aufklärung. Berlin, 1987; Brandt R., Klemme H. David Hume in Deutschland. Marburg, 1989; Kuehn M. Scottish Common Sense in Germany, 1768–1800: A Contribution to the History of Critical Philosophy. L., 1987; Он же. Hume and Tetens // Hume Studies. 1989. Vol. 15, № 2. P. 365–376; Он же. David Hume and Moses Mendelson // Hume Studies. 1995. Vol. 21, № 2. P. 197–220.

документальные факты в поддержку теории о значительном влиянии Юма на генезис критической философии. Особенно показательна в этом отношении последняя по времени фундаментальная биография Канта, в которой анализу юмовского влияния уделено значительное место¹⁸. Из специальных работ последнего времени стоит отметить книги Пола Гайера и Уэйна Ваксмана¹⁹.

Однако ответ Канта Юму, в чем бы он ни заключался, показался настолько убедительным представителям немецкого идеализма, что к работам шотландского философа они практически не обращались. Даже первая волна позитивизма в середине XIX в. не способствовала в достаточной мере возрождению интереса к его философии. Вплоть до того, что Спенсер и Милль выводили свою ассоциативную психологию не из Юма, а из работ Гартли и Пристли²⁰. Лесли Стефен, чья работа по британской философии XVIII в. считалась такой же классикой, как исследования Фишера или Целлера, окончательно закрепил за ним титул главного скептика²¹. В конце века ведущие позиции в британских университетах и вовсе занимали представители неогегельянства. Один из них, профессор Т.Х. Грин, осуществил новое издание сочинений Юма. Однако в своем предисловии Грин обрушился на него с критикой сколь радикальной, столь и поверхностной, так что она до сих пор считается образцом непонимания проблем юмовской философии.

Не удивительно, что первые признаки юмовского ренессанса появились после того, как в Европе прозвучал призыв «назад к Канту». Как указывает Густав Шпет, некоторые ученые еще в 1870-е гг. предлагали вернуться сразу к Юму²². Неокантианцы не могли пройти мимо известного пассажа из «Пролегомен», однако зачастую полагали, что Кант вообще не вел с Юмом никакой полемики. Представители так называемого «второго позитивизма» Мах и Авенариус оценивали Юма достаточно высоко и считали его одним из своих предшественников. Ученик Франца Brentano Алексис Майнонг в конце 1870-х гг. выпустил новаторское для своего времени исследование юмовского номинализма²³. Новое критическое издание немецкого перевода

¹⁸ Kuehn M. Kant: a Biography. Cambridge, 2002. P. 107–108; 120–121; 176–178; 197–202; 255–265.

¹⁹ Waxman W. Kant and the Empiricists: Understanding Understanding. N.Y., 2005; Guyer P. Knowledge, Reason, and Taste: Kant's Response to Hume. Princeton, 2008.

²⁰ Martin R., Barresi J. Naturalisation of the Soul. N.Y., 2004. P. 113.

²¹ Stephens L. British Thought in Eighteen Century. 2-ed. L., 1902.

²² Шпет Г. Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сомнения Юма? Киев, 1907. С. 5.

²³ Meinong A. Hume Studien. Vienna, 1877, 1882.

«Трактата» было осуществлено в конце XIX в. Теодором Липпсом, который был весьма заметной фигурой в дискуссии о психологизме, разгоревшейся в немецких университетах на рубеже веков. Внимательно изучали работы Юма и пионеры феноменологического движения. Довольно часто приводят цитату из Гуссерля о подлинном величии Юма, которое только предстоит оценить. Итак, самыми внимательными читателями книг Юма, как и веком ранее, были немецкие философы и психологи. Однако этот интерес был сугубо прикладным: следует помнить, что революцию в немецкой академической среде осуществили ученые, зачастую не имевшие профессионального философского образования. Поэтому об историко-философских исследованиях Юма, сохранивших свое значение до наших дней, в Германии начала XX в. говорить не приходится.

Тем временем на философских факультетах Британии неогегельянство сменил неореализм. Но уже после Первой мировой войны многие исследователи переходят на позиции, близкие логическому позитивизму, и работы Юма постепенно становятся все более востребованными. В 1925 г. вышла монография К. Хэнделя, которая способствовала преодолению во многом несправедливой критики Грина²⁴. Но настоящим прорывом стало появление в 1941 г. книги Нормана Кемп-Смита «Философия Дэвида Юма. Критическое исследование ее истоков и центральных доктрин»²⁵. К тому моменту Кемп-Смит уже имел высочайшую репутацию в философской среде: его перевод «Критики чистого разума» и объемный комментарий к ней до сих пор считаются центральными работами англоязычного кантоведения²⁶. Фундаментальное исследование Кемп-Смита, которое перевернуло господствовавшие до этого представления о философии великого шотландца, сегодня называют не иначе как «библией юмоведения».

В 1950–1960-е гг. количество исследований, посвященных Юму, неизменно увеличивалось. Постоянно возрастал индекс цитирования его сочинений в работах современных философов. В 1970-е гг. репутация Юма была уже настолько высока, что он практически безоговорочно признавался «наиболее значительным философом, когда-либо писавшим на английском языке»²⁷. Тогда же профессиональное юмоведение институционализировалось в «Международное юмовское общество», которое с 1975 г. выпускает журнал «Hume Studies». Интенсивная исследовательская работа продолжается до настоящего времени, на первый план попеременно выходят различные аспекты

²⁴ Hendel C.W.H. *Studies in the Philosophy of David Hume*. Princeton, 1925.

²⁵ Kemp-Smith N. *The Philosophy of David Hume*. L., 1941.

²⁶ Kemp-Smith N.A. *Commentary on Kant's Critique of Pure Reason*. L., 1923.

²⁷ Penelhum T. *Op. cit.* P. 1.

юмовской системы. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что за последние 30–40 лет о Юме написано больше, чем за два предыдущих века.

3. Норман Кемп-Смит и становление исследовательской школы

Мы вкратце описали процесс постепенного пробуждения интереса к юмовской философии. Но до середины XX в. практически все исследователи работали либо с «Исследованием о человеческом разуме», либо, в лучшем случае, с первой книгой «Трактата». Кого-то не устраивал архаичный, с их точки зрения, «психологизм» Юма, кто-то вообще полагал, что время построения всеобъемлющих философских систем безвозвратно ушло. Мы, со своей стороны, считаем, что современное юмоведение, основы которого заложил своей выдающейся работой Норман Кемп-Смит, началось именно со смещения фокуса исследований в сторону «Трактата» в целом и его двух «лишних» книг в частности.

Монография Кемп-Смита о Юме оказалась весьма кстати в 1960–1970-е гг., на пике новой дискуссии о природе сознания. Хотя она далеко не сразу получила такое же безоговорочное признание, как его комментарий к «Критике чистого разума»²⁸. Прделанную им работу можно сравнить с находкой в песках Египта папируса с текстом древних классиков, о которых мы до сих пор могли судить только в изложении Аристотеля и Секста Эмпирика. Поэтому мы считаем, что следует в общих чертах рассказать о том перевороте, который произвела эта книга в изучении философии Юма.

Помимо уже отмеченных исследований из «досмитовского» периода заслуживают упоминания по крайней мере два. Во-первых, монография Джона Лэйрда о человеческой природе у Юма, которая вышла в 1932 г., когда антропологические исследования пользовались большим спросом²⁹. Во-вторых, не утратившая своего значения по сей день работа Генри Прайса об отношении Юма к солипсизму и его трактовке берклианской проблемы³⁰.

Кемп-Смит настойчиво проводил идею о том, что Юм наравне с Лейбницем был одним из главных вдохновителей критической фило-

²⁸ Барри Страуд, во многом развивающий идеи Кемп-Смита, полагал, что философы 1940-х и даже 1950-х гг. еще не были готовы к появлению столь революционной работы (Stroud B. Hume. L., 1977. P. 9).

²⁹ Laird J. Hume's Philosophy of Human Nature. L., 1932.

³⁰ Price H.H. Hume Theory of External World. N.Y., 1940.

ДЭВИД ЮМ: ДОЛГАЯ ДОРОГА В КЛАССИКИ

софии Канта³¹. К 1918 г., когда вышел его комментарий к первой «Критике», наиболее авторитетные знатоки кантовской философии, такие, как Виндельбанд, Фишер и Паульсен, уже вынесли свой вердикт по этому вопросу: они считали, что сам Кант по неким личным соображениям преувеличивал влияние Юма на формирование критической философии³². В 1941 г. наконец выходит в свет первое издание фундаментального труда Кемп-Смита, который был подготовлен к публикации еще в 1937 г., но появился только 4 года спустя по техническим причинам. «Философия Дэвида Юма: критическое исследование ее истоков и основных доктрин» не является комментарием к отдельному тексту, но по сути все внимание автора сконцентрировано на «Трактате». Кемп-Смит провел в полном смысле слова эрратологическое исследование, терпеливо объясняя, по какой причине критики Юма от Рида до Лесли Стефена и Грина превратно толковали различные стороны учения шотландского философа. В некоторых случаях он, тем не менее, признает, что Юм давал повод к не совсем адекватной интерпретации той или иной доктрины.

Вся концепция Кемп-Смита, как мы полагаем, строится на четырех основных тезисах. Во-первых, он вполне убедительно объясняет, почему глава о личном тождестве в конце первой книги находится в явном противоречии с содержанием второй и третьей книг. Причиной этого стало более раннее время их составления, а скептическая глава о личном тождестве была написана непосредственно перед публикацией всего труда и появилась уже после окончания работы над книгами под номерами два и три³³. Если в своем комментарии к первой кантовской «Критике» он поддерживает и развивает так называемую лоскутную теорию Файхингера (patchwork theory), то в случае с «Трактатом», напротив, находит возможность объяснить видимую непоследовательность его автора. Это дает ему основание утверждать, что в центре философии Юма лежит моральное учение, с которого он и начал свое исследование человеческой природы.

Во-вторых, он доказывает, что юмовская система была скорее позитивистской или, в его собственной терминологии, натуралистической, поскольку ее стержневым понятием было понятие «уверенности» или «убеждения» (belief). Вместо схоластической субстанции и даже умеренно-эмпирического Я в локковской трактовке у Юма на первый план выходит понятие человеческой природы. Собственно говоря, «натурализм» Кемп-Смита, вокруг которого было сломано столько копий

³¹ Kemp-Smith N. Commentary on Kant's Critique of Pure Reason. L., 2003. P. 48–56.

³² Достаточно подробную сводку можно найти у Шпета, который, с некоторыми оговорками, присоединялся к общему мнению (Шпет Г. Указ. соч. С. 78).

³³ Kemp-Smith N. The Philosophy of David Hume: a Study of Origins of his Thought. L., 2005. P. 75.

в юмоведческой литературе, связан с доктриной «естественных убеждений» (natural beliefs), которые надежно охраняют человеческий ум от впадения в бесплодный скептицизм. Поэтому наравне со вполне очевидным влиянием Локка и Беркли он также указывает на учение о человеческой природе Френсиса Хатчесона как на один из источников философии Юма. Наиболее отчетливо, по мнению Кемп-Смита, это влияние проявлялось именно в период работы над «Трактатом».

В-третьих, он устанавливает корреляцию между уверенностью и «симпатией» во второй и третьей книгах и открывает, таким образом, путь для тщательного анализа этих разделов «Трактата», которые долгое время игнорировались исследователями. И, наконец, в четвертых, он подчеркивает, что наиболее устойчивым убеждением Юма была идея о «рабском» подчинении разума «аффектам» (passions). Последнее положение известно в специальной литературе как «тезис субординации» (subordination thesis) и связывается непосредственно с именем Кемп-Смита³⁴. Человек у Юма – это прежде всего «верующее животное» (creduulous animal), а учение о человеческой природе стоит ближе к цицероновскому гуманизму, чем к известным школам скептицизма³⁵.

4. Современное юмоведение: магистральные темы и тенденции

Исследовательская активность в области юмоведения стабильно росла на протяжении 1950-х и 1960-х гг. В 1954 г. появилось капитальное исследование Чарльза Моснера «Жизнь Дэвида Юма», которое и сегодня остается одним из главных источников биографических сведений о шотландском философе³⁶. Написанное в энциклопедическом британском жанре «жизнь и времена», оно содержит богатый материал по шотландскому Просвещению, а также весьма подробно освещает взаимоотношения Юма с властителями дум тогдашней Европы – французскими энциклопедистами. Двумя годами ранее вышла монография видного австралийского историка философии Джона Пасмора, наметившая будущий поворот в юмоведении: его система в целом оценивается как скептическая, однако в ней уже намечены контуры позитивной программы, содержащейся в «Трактате»³⁷.

³⁴ Kemp-Smith N. The Philosophy of David Hume. P. 131.

³⁵ Ibid. P. 130.

³⁶ Mossner C. The Life of David Hume. 2nd ed. L., 1980.

³⁷ Passmore J. Hume's Intentions. Cambridge, 1952.

ДЭВИД ЮМ: ДОЛГАЯ ДОРОГА В КЛАССИКИ

1970-е гг. были отмечены настоящим бумом юмовских исследований. Одним из наиболее заметных трудов этого периода стал «Дэвид Юм» Барри Страуда. В нем проделан тонкий анализ соотношения скептических и «натуралистических» элементов в философии Юма, отдельно оговаривается возможность позитивной трактовки личного тождества, особенно в сравнении с Кантом³⁸. Тогда же появляются две работы, которые считаются лучшим введением в предмет. Одна из них принадлежит перу классика логического позитивизма Альфреда Айера, а другая – Теренсу Пенелуму, пожалуй, наиболее авторитетному на сегодня специалисту по проблеме тождества личности у Юма³⁹.

В 1980-е гг. в юмоведении проявилась новая тенденция: все чаще стали раздаваться голоса исследователей, которые хотели видеть в Юме умеренного рационалиста⁴⁰. Тогда же разгорелась дискуссия, известная как «новые дебаты о Юме» (new Hume debate), в центре которой находился вопрос о теории причинности. Такие авторы, как Джон Райт и Гален Стросон, доказывали, что Юм был скорее «каузальным реалистом», чем «скептиком эмпирического толка»⁴¹. В этот период активно обсуждалось и место скептицизма в философии Юма, на эту тему вышли работы Дэвида Фейта Нортон и Роберта Фоглина⁴². Это вполне соответствовало скептическим настроениям в англо-американской философии 1980-х гг., когда исследования по философии сознания пошли на спад, уступив место неоиdealистическим и даже неодуалистическим концепциям, которые сопровождали частичную реабилитацию как метафизики, так и «ментализма»⁴³.

Умеренный эпистемологический оптимизм 1990-х гг. сказался и на ситуации в юмоведении: одними из самых обсуждаемых работ этой декады стали книги Аннет Бэйр и Дона Гаррета⁴⁴. Бэйр уделяет

³⁸ Страуд продолжит исследования скептицизма и в следующей своей работе: *Stroud B. The Significance of Philosophical Scepticism*. N.Y., 1984.

³⁹ *Penelhum T. Hume*. N.Y., 1975; *Ayer A. Hume*. L., 1980.

⁴⁰ Помимо уже упоминавшейся работы Капальди см. также: *Kreimendahl L. Hume verborgener Rationalismus*. Berlin, 1982.

⁴¹ *Wright J. Hume Sceptical Realism*. N.Y., 1983; *Strawson G. Secret Connexion*. L., 1989. Более традиционная версия содержится в: *Beauchamp T. Hume and the Problem of Causation*. Oxford, 1981.

⁴² *Norton D.F. David Hume: Common Sense Moralist, Sceptical Metaphysician*. Princeton, 1982; *Fogelin R. Hume's Scepticism in the Treatise of Human Nature*. L., 1985.

⁴³ Эта ситуация зафиксирована у Рорти. См.: *Rorty. R. Consequences of Pragmatism*. N.Y., 1982.

⁴⁴ *Bair A. A Progress of Sentiments*. Mass., 1991; *Garret D. Cognition and Commitment in Hume's Philosophy*. N.Y., 1997.

особое внимание анализу второй и третьей книг «Трактата» и приходит к выводу о своего рода «диалектическом» единстве основного труда Юма. Дон Гаррет находит в «Трактате» оригинальную концепцию когнитивной психологии, близкую по духу современным исследованиям. Обе книги содержат разделы, посвященные юмовской трактовке проблемы Я. Из многочисленных гидов по философии Юма, выпущенных различными издательствами, стоит особо выделить рутледжское издание под редакцией Гарольда Нунана⁴⁵. В середине 1990-х гг. под редакцией Стенли Твеймана вышло шеститомное собрание лучших статей по различным аспектам философии Юма, во втором томе которого помещены материалы по проблеме личного тождества⁴⁶.

В первые годы нового века в юмоведении произошли события, которые в рамках отдельной дисциплины можно назвать эпохальными. В 2003 г. появилась работа одного из ведущих американских философов Джерри Фодора, который выводит свою «репрезентативную теорию сознания» из юмовской версии теории идей⁴⁷. Но безусловно главным событием последних лет стало появление нового критического издания философских сочинений Юма, выпущенное оксфордским издательством «Кларендон». Оно стало первым после выхода в свет издания Грина-Гроуза в 1880-х гг. Из запланированных восьми томов вышло уже пять, в том числе двухтомное издание «Трактата», появившееся на прилавках книжных магазинов в июле 2006 г. Это издание под редакцией Дэвида Фэйта Нортон и Мэри Нортон включает в себя не только подробнейший комментарий, но и новую редакцию текста с разделением на параграфы⁴⁸. В ближайшее десятилетие, по всей видимости, в большинстве исследований при ссылке на «Трактат» будет использоваться двойной индекс: на старое издание Селби-Биджа с дополнениями Нидича и на новое – Дэвида Фэйта и Мэри Нортон. Помимо этого в 2006 г. Стенли Твейман выпустил наиболее полный указатель по юмоведческой литературе за два с половиной столетия – с 1741 по 2005 г.⁴⁹

⁴⁵ Noonan H. Routledge Philosophy Guidebook to Hume on Knowledge. N.Y., 1999.

⁴⁶ Twayman S. (ed.). David Hume: Best Essays. 6-vol. set. L., 1994.

⁴⁷ Таким образом, со времени критика «теории идей» со стороны представителей шотландской школы здравого смысла был сделан полный круг (Fodor J. Humean Variations. Oxford, 2003).

⁴⁸ Подробное обсуждение данного издания имеется в одном из последних номеров Hume Studies. 2008. № 2. P. 289–335.

⁴⁹ Twayman S. Secondary Sources on the Philosophy of David Hume: A David Hume Bibliography 1741–2005. 2 Vols. Caravan Books, 2006.

5. Спор о тождестве личности

Одной из центральных тем современного юмоведения является спор о тождестве личности, которому мы решили посвятить отдельный обзор. Кемп-Смит считал, что первая книга была написана уже после окончания работы над основным текстом второй и третьей. Этим он и объяснял юмовскую критику тождественного Я (self), о которой он как бы забывает во второй и третьей книгах. Этот фрагмент сразу приглянулся критикам Юма, его обычно приводят для наглядной демонстрации саморазрушительной силы скептицизма. Вместе с тем до второй половины XX в. аргументы Юма мало кем рассматривались всерьез. Тождество личности он разбирает после причинности, субстанции и прочих важных предметов, поэтому редкий критик добирался до последних глав «Трактата». Как правило, все внимание было сосредоточено на причинности, поэтому ниспровергатели юмовского скептицизма считали свою задачу выполненной задолго до того, как переходили к анализу всех его последствий. Однако данная глава представляла трудность и для тех исследователей, которые пытались развивать идеи Юма. В «Аппендиксе», помещенном в конце первой книги «Трактата», он сообщает, что не может совместить два принципа: «Наши отдельные перцепции это отдельные предметы, и наш ум никогда не воспринимает реальной связи между этими предметами»⁵⁰. В то же время, добавляет Юм, ни одним из этих принципов он «не в силах пожертвовать». Этот текст, известный в специальной литературе как «повторные размышления» (second thoughts), представляет отдельную сложность для комментаторов. Юм окончательно запутывает дело во второй книге «Трактата», где он как ни в чем не бывало заявляет, что мы имеем дело с наличной идеей Я.

Начало серьезному изучению этой проблемы, как, впрочем, и многих других, положил Кемп-Смит в начале 1940-х гг. Причем в его интерпретации новый взгляд на юмовскую трактовку Я был далеко не последним средством для преодоления общей оценки Юма как радикального скептика. До этого критика личного тождества идеально дополняла его потрет, созданный еще во второй половине XVIII в. усилиями Рида и Битти. С тех пор к нему исправно добавлялись новые черты, но общий смысл оставался прежним: Юм довел до абсурда эмпиризм Локка. К этому времени сходные возражения Шефтсбери и Батлера были прочно забыты, а вспомнят о них опять же критики Юма, когда пожелают доказать его неоригинальность в этом вопросе. Да и в целом проблема личного тождества в том виде, в котором она бытовала в течение всего XVIII в., возродилась, как мы полагаем,

⁵⁰ Юм Д. Указ. соч. Т. 1. С. 326.

лишь к началу 1970-х гг. Свою роль тут сыграло как развитие философии сознания и когнитивной психологии, так и возросший интерес к философии Просвещения вообще и Юма в частности. Обе эти тенденции пришли в своеобразный резонанс, и с конца 1970-х юмовская трактовка личного тождества считается главным ответом Локку.

Своеобразным прологом к переосмыслению проблемы тождества личности стал небольшой раздел известнейшей работы Гильберта Райла «Концепция сознания», где он замечает, что наше Я обладает некоей «систематической неуловимостью» (*systematic elusiveness*)⁵¹. Эта мысль, как и многие важные элементы его системы, хотя и косвенным образом, отсылают к Юму. Не к «менталисту» и «картезианцу», а к тому Юму, которого еще только предстояло открыть. Именно поэтому Райл, как и многие его коллеги из числа теоретиков сознания, поначалу были настроены весьма критически по отношению к философии Юма в целом. Однако сам факт, что количество упоминаний о ней, пускай и в полемическом контексте, резко увеличилось, говорил о том, что в философии сознания обсуждались схожие проблемы.

В начале 1950-х гг. только начинал свою карьеру довольно известный в будущем историк философии Джон Пасмор. И если первая его монография была посвящена совсем экзотическому предмету – философии Ральфа Кэдворта, то уже следующей своей работой он внес вклад в динамично развивавшееся юмоведение. Для Пасмора следовать за Юмом означало не признавать никаких философских систем и окончательных ответов. Он хотел исследовать намерения Юма и пришел к выводу, что его критика личного тождества была совсем не такой радикальной, как считалось ранее, а гипотезу о «пучке перцепций» не стоит понимать буквально. Схожие аргументы можно встретить и в заметной работе Дональда Макнаба⁵².

В 1955 г. появилась первая статья Теренса Пенелума, в которой он обратил внимание на то, что Юм рассматривал спор о личном тождестве как «чисто языковой». Как тогда был принято, он решил изучить юмовский анализ нашего «лингвистического поведения», чтобы убедиться, к каким серьезным последствиям приводят ошибки в «лингвистическом или концептуальном исследовании»⁵³. В дальнейшем он еще не раз вернется к этому предмету, и его оценки уже не будут столь категоричны, а Юм перестанет быть экзаменуемым студентом. Сегодня работы Пенелума считаются классикой предмета: в 2000 г. они впервые были изданы в виде отдельного сборника, кото-

⁵¹ Райл Г. Понятие сознания. М., 1998. С. 193.

⁵² MacNabb D.G.C. David Hume: his Theory of Knowledge and Morality. L., 1951.

⁵³ Penelhum T. Op. cit. P. 24.

рый можно рассматривать как наглядный пример тех концептуальных изменений, которые произошли за последние полвека не только в юмоведении, но и в англоязычной истории философии в целом.

В защиту «пучковой» теории была написана статья Нельсона Пайка, появившаяся в 1967 г.⁵⁴ Ему активно возражал Барри Страуд в уже упоминавшейся нами известнейшей работе, и вообще начиная с 1970-х гг. дискуссии о юмовской трактовки тождества личности не прекращаются. Как ни странно, на эту тему до сих пор имелась всего одна монография – это вышедшая в 2002 г. книга Энтони Питсона (новая монография Галена Стросона запланирована к выходу на май 2011 г.⁵⁵). Ее автор рассматривает проблему достаточно широко и, с нашей точки зрения, не всегда четко выделяет собственно юмовскую трактовку⁵⁶. С этим и связана, как мы полагаем, основная сложность интерпретации взглядов Юма по данному вопросу. С одной стороны, постановка проблемы тождества личности в том виде, в котором мы находим ее в «Трактате», напрямую вытекает из содержания первой книги, с другой – проблема Я рассматривается во второй книге в совершенно ином аспекте. По этой причине исследователь вынужден либо проходить по всем важнейшим пунктам юмовской системы, либо, напротив, рассматривать тождество личности вне контекста.

Таким образом, новизна этой темы весьма обманчива. Ее анализ можно найти как в заключительных разделах внушительных монографий, так и в многочисленных статьях, разбросанных по философским журналам. Совсем не сложно доказать, что проблема личного тождества является одной из ключевых в современном юмоведении. Только в журнале «Hume Studies» за последние 25 лет ей было посвящено более 30 публикаций. По популярности среди эпистемологических тем юмовской философии в последние годы с ней может соперничать только проблема причинности. Что касается первой части нашего тезиса, то подробное рассмотрение проблемы можно найти во многих знаковых для современного юмоведения работах, к которым относятся уже упоминавшиеся книги Страуда, Пенелума, Айера, Брика, Фоглина, Бэйр, Гаррета.

Отдельным направлением является обсуждение так называемых повторных рассуждений (*second thoughts*) о тождестве личности, помещенных Юмом в конце первой книги «Трактата». Многие коммен-

⁵⁴ Pike N. Hume's Bundle Theory of the Self: A Limited Defence // American Philosophical Quarterly. 1967. № 4. P. 159–165.

⁵⁵ Strawson G. The Evident Connexion: Hume on Personal Identity. Oxford, 2011.

⁵⁶ Примером чего служит отдельное рассмотрение психофизической проблемы, более характерной для локковской постановки вопроса, или появление мало интересовавшей Юма проблемы «другого сознания». Pitson A. Hume's Philosophy of the Self. L., 2002. P. 52–68.

таторы по этой причине полагают, что юмовская личность обладает все же неким «несовершенным тождеством», что позволяет им объяснить многие противоречия, свойственные этой доктрине⁵⁷. К «несовершенному» Я вполне можно присоединять аффекты и эмоции, стоит только немного подправить некоторые формулировки во второй и третьей книгах «Трактата». Мы полагаем, что существует столько же интерпретаций «повторных рассуждений Юма, сколько интерпретаций его системы в целом. Это своего рода архимедов рычаг юмовской системы: воспользовавшись им, можно перевернуть всю его моральную вселенную. Дон Гаррет в 1997 г. насчитал пять основных версий причин появления «повторных рассуждений о личном тождестве»⁵⁸. Причем в книге Фоглина о юмовском скептицизме он нашел целых три дополнительных интерпретации. Сам Гаррет выдвигает девятую, связанную с его собственным видением Юма как когнитивного психолога. За те без малого 10 лет, которые прошли с момента публикации работы Гаррета, появилось как минимум две новых – одна изложена в статье Энсли и поддержана Пенелумом, а другая – в монографии Питсона.

Подводя итоги обзора, выделим три основных направления в исследовательской литературе по проблеме личного тождества.

Во-первых, необходимо выяснить, насколько критика личного тождества вытекает из содержания первой книги «Трактата» и основных положений теории идей, которые в ней содержатся. Начало обсуждения этой темы в 1970-е гг. положила своими публикациями Джейн Макинтайр. Дискуссия с участием Джона Биро и Тома Бошампа велась на страницах «Hume Studies» на протяжении 10 лет, причем в 1979 г. ей был посвящен отдельный номер журнала⁵⁹. Этот аспект проблемы личного тождества позволяет провести анализ соотношения «скептических» и «натуралистических» элементов в системе Юма. Он проделан, в частности, в упоминавшихся работах Страуда, Фоглина и Гаррета.

Во-вторых, целостная интерпретация проблемы личного тождества невозможна, если мы не выясним, какой смысл имели повторные рассуждения и почему Юм по сути признал свою концепцию неудовлетворительной. Ей посвящены статьи Стивена Натансона, Уэйна

⁵⁷ Ее поддерживают, в частности, Страуд, Биро, Брик, Макинтайр, Коста, Пирс. См.: *Biro J.I.* Hume's Difficulties with the Self // *Hume Studies*. 1979. Vol. 5, № 1. P. 45–54; *McIntire J.* Further Remarks on the Consistency of Hume's Account of the Self // *Hume Studies*. 1979. Vol. 5, № 1; *Bricke J.* Hume's Philosophy of Mind. Princeton, 1980. P. 55–56; *Costa R.* Hume, Strict Identity and Time Vacuum // *Hume Studies*. 1990. Vol. 16, № 1. P. 1–16; *Pears D.* Hume on Personal Identity // *Hume Studies*. 1993. Vol. 19, № 2. P. 289–300. Наиболее влиятельным противником считается Т. Пенелум.

⁵⁸ *Garret D.* Op. cit. P. 167.

⁵⁹ *Hume Studies*. 1979. Vol. 5. P. 37–61.

ДЭВИД ЮМ: ДОЛГАЯ ДОРОГА В КЛАССИКИ

Ваксмана, Дональда Бакстера, Кэролайн Свейн⁶⁰. Из новейших публикаций особого внимания заслуживают статья Дональда Энсли и ее анализ у Пенелума⁶¹.

И, наконец, в-третьих, следуя последней тенденции в юмоведе-нии, мы сможем разрешить все противоречия, обратившись ко второй и третьей книгам «Трактата», и выяснить, какую роль играет Я в формировании «аффектов». Одной из первых работ на эту тему была книга Пала Ардаля⁶², а в 1990-е гг. наблюдается всплеск интереса к этому предмету, особенно после упомянутых работ Аннет Бэйр и Дона Гаррета. Среди последних публикаций следует отметить статьи Роберта Хендерсона, Сьюзан Первайнс, Гордона Парка Стивенсона и Юджина Лекальдано⁶³. Также в рамках этой стратегии развивается инициированное еще Кемп-Смитом изучение чувства «симпатии»⁶⁴.

⁶⁰ *Nathanson S.* Hume's Second Thoughts of the Self // *Hume Studies*. 1976. Vol. 2, № 1. P. 36–46; *Swain C.G.* Being Sure of Oneself: Hume's Theory of Personal Identity // *Hume Studies*. 1991. Vol. 17, № 2. P. 107–124; *Waxman W.* Hume's Quandary Concerning Personal Identity // *Hume Studies*. Vol. 18, № 2. P. 233–254; *Baxter M.* Hume's Labyrinth Concerning the Idea of Personal Identity // *Hume Studies*. 1998. Vol. 24, № 2. P. 203–234.

⁶¹ *Ainslie D.* Scepticism about Persons in Book II of Hume's Treatise // *Journal of the History of Philosophy*. 1999. № 37. P. 469–492; *Penelhum T.* Op. cit. P. 99–126.

⁶² *Ardal P.* *Passion and Value in Hume's Treatise*. Edinburgh, 1966.

⁶³ *Henderson R.S.* David Hume on Personal Identity and Indirect Passions // *Hume Studies*. 1990. Vol. 16, № 1. P. 33–44; *Purviance S.* The Moral Self and the Indirect Passions // *Hume Studies*. 1997. Vol. XXIII, № 2. P. 195–212; *Stevenson G.P.* Humean Self-Consciousness Explained // *Hume Studies*. 1998. Vol. 24, № 1. P. 95–130; *Lecaldano E.* The Passions, Character and Self in Hume // *Hume Studies*. 2002. Vol. 28, № 2. P. 175–194.

⁶⁴ Одной из последних находок стала разработка юмовской трактовки «характера», предпринятая в работе Энтони Питсона: *Pitson A.* Op. cit. P. 72–90.